ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
НАУКИ ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. А. М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

Трофимов Артем Евгеньевич

КЛЮЧЕВЫЕ СОБЫТИЯ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ В РУССКОЙ ПАНЕГИРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА

Специальность 5.9.1. — Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук
М. Ю. Люстров

Москва, 2026

Работа выполнена в отделе славянских литератур Средневековья и раннего Нового времени Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук».

Научный руководитель	**Люстров Михаил Юрьевич,** доктор филологических наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом славянских литератур Средневековья и раннего Нового времени Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук
Официальные оппоненты	**Пауткин Алексей Аркадьевич,** доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова»
	Попович Алексей Игоревич, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина»
Ведущая организация	Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук»

Защита состоится «28» января 2027 г. в 15:00 на заседании диссертационного совета Д. 24.1.080.03 при ФГБУН «Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук» по адресу: 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте ФГБУН «Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук»: http://imli.ru.

Автореферат разослан «___» ноября 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета д.ф.н. А. Г. Плотникова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Важность событий Северной войны до сих пор исключительна для культурной памяти России. Длительное вооружённое противостояние Московского царства и Шведского королевства на Балтике в 1700–1721 гг. стало наглядным воплощением военного таланта Петра I, утвердило положение нашего государства на политической арене Европы и заложило фундамент для скорого создания Российской империи. Богатая на поворотные для отечественной истории события, Северная война стала частой темой для целого ряда авторов в русской литературе. Ещё в первую четверть XVIII в., в разгар активных боевых действий, создавались произведения русской словесности, задавшие ракурс культурного осмысления этого исторического периода, ставшие источниками образности, мотивов и сюжетики, прочно ассоциированной с триумфом русского оружия.

Степень разработанности проблемы. Теме Северной войны в русской литературе посвящено немало авторитетных исследований. Так, роль Феофана Прокоповича, одного из главных панегиристов Северной войны, осмыслялась ещё в сочинении «Vita Theophanis Procopovitsch», составленном Зигфридом Байером как некролог вскоре после смерти проповедника (между 1736 и 1741 годами). Базовые сведения о панегирическом творчестве эпохи Северной войны даны Н. И. Новиковым в «Опыте исторического словаря о российских писателях» 1772 г. в статьях о Гаврииле Бужинском, Феофане Прокоповиче, Стефане Яворском, М. И. Ширяеве. В большей же степени вторая половина XVIII в. знаменательна подготовкой и изданием сочинений изучаемых нами авторов, среди которых самое значимое — «Феофана Прокоповича... слова и речи поучительные, похвальные и поздравительные» (ч. I, СПб., 1760; ч. II, СПб., 1761; ч. III, СПб., 1765), подготовленное С. Ф. Наковальниным. Кроме того, в начале XIX в. был издан «Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина, грекороссийския церкви» митрополита Евгения (Болховитинова), где

Гавриилу Бужинскому, Стефану Яворскому, Феофану Прокоповичу, Феофилакту Лопатинскому и их проповедям (в том числе связанным с Северной войной) посвящены соответствующие статьи.

Проповеди Стефана Яворского и Феофана Прокоповича (в частности, посвящённые Петровским победам) освещались в широко известной диссертации Ю. Ф. Самарина «Стефан Яворский и Феофан Прокопович», защищённой в 1844 году. Существенный вклад в собрание и описание панегирической литературы Петровского времени внёс П. П. Пекарский. Его фундаментальный труд «Наука и литература в России при Петре Великом» (1862) содержит обзор и краткую характеристику как достаточно широко известных образцов эпидейктического красноречия, так и редкие архивные тексты, многие из которых послужили материалом для нашей работы. Глубокому анализу сочинений Феофана Прокоповича, в том числе панегирических речей на военные победы, посвящены работы И. А. Чистовича и П. О. Морозова. Панегирическому наследию другого значимого автора этого периода — Стефана Яворского — посвящено заметно меньше работ дореволюционного периода, что, как видится, обусловлено вниманием преимущественно к его богословским сочинениям. В дело изучения гомилетики Гавриила Бужинского внёс существенный вклад Е. В. Петухов, издав в 1901 г. проповеди флотского обер-иеромонаха 1717–1727 гг. с подробным текстологическим предисловием. Говоря об интересе дореволюционной науки к панегиристам Петровской эпохи, нельзя не отметить крупного исследования М. Н. Сменцовского «Братья Лихуды. Опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни конца XVII и начала XVIII веков» (СПб., 1899). Наконец, в издании торжественной окказиональной литературы первой четверти XVIII в. значима роль В. Н. Перетца. Третий том широко известного собрания трудов учёного «Историко-литературные исследования и материалы» освещает такую специфическую и небезынтересную страницу в истории русской литературы Петровской эпохи, как творчество

иностранцев на русской службе, главным образом — Эрнста Глюка и Иоганна Паузе.

Изучению русской литературы эпохи Северной войны уделялось пристальное внимание и в XX в. Безусловно, заслуживают упоминания вышедшие в первой половине столетия фундаментальные работы по литературе XVIII в. Г. А. Гуковского и Л. В. Пумпянского. Несмотря на то что два исследователя не уделяли столь пристального внимания панегирикам Петровской эпохи, их обобщающие труды наглядно продемонстрировали значимость словесности первой четверти XVIII в. для последующей литературной традиции. Середина XX в. ознаменована составлением академических комментариев к отдельным произведениям, а также тщательной текстологической работой при подготовке собраний сочинений авторов раннего Нового времени. Среди последних значимым представляется издание в 1961 г. собрания избранных сочинений Феофана Прокоповича под редакцией И. П. Ерёмина. Труды А. А. Морозова внесли вклад в изучение торжественного красноречия в контексте культуры восточнославянского литературного барокко.

В Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН были проведены подготовка и издание панегирических произведений Петровской эпохи в рамках серии «Русская старопечатная литература. XVI — первая четверть XVIII в.» 1978–1982 гг. Особенно значим для настоящей работы том «Панегирическая литература петровского времени» (М., 1979), подготовленный В. П. Гребенюком под редакцией О. А. Державиной. Вклад Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН в изучение литературы Петровской эпохи виден на примере работ П. Н. Беркова, И. З. Сермана, Г. Н. Моисеевой, Н. Д. Кочетковой, С. И. Николаева.

В начале XXI в. изучение торжественных победословий периода Северной войны продолжается как в рамках специальных работ по отдельным произведениям, так и в контексте обобщающих трудов, посвящённых панегирической культуре XVIII в. Из разряда последних отметим, в частности,

книгу Н. Ю. Алексеевой «Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках» (СПб., 2005). Классическими также можно считать работы Б. А. Успенского и В. М. Живова, посвящённые скрытой семиотической стороне панегириков Петровского времени, а также их тесной связи с политической идеологией эпохи. Актуальной проблемой в современной науке остаётся связь русской литературы первой четверти XVIII в. с панегирической традицией Западной Европы, чему посвящены исключительно значимые работы М. Ю. Люстрова. Внутренней художественной структуре жанра торжественного панегирика посвящены работы Е. М. Матвеева. Торжественное красноречие эпохи Северной войны как явление окказиональной культуры раннего Нового времени затрагивал П. Е. Бухаркин. Тесная связь разных родов литературы Петровской эпохи нашла отражение в работах М. П. Одесского. Стиль и творческая история торжественных слов рассмотрены О. А. Крашенинниковой. Языковые и стилистические особенности изучаемых нами текстов были рассмотрены в работах А. А. Лебедева и Н. В. Патроевой. Отдельно творчеству Феофана Прокоповича посвящены многочисленные работы О. М. Буранка.

Наконец, отметим интерес к русскому военному панегирику Петровской эпохи среди зарубежных исследователей. Ещё в середине прошлого века панегирические проповеди главных авторов первой четверти XVIII в. были упомянуты в трудах немецких славистов Э. Винтера и Й. Тетцнера, и продолжают изучаться в немецкой науке текущего столетия, в частности — в трудах В. Кролля. В Эстонии свой вклад в изучение культурно-семиотического контекста гомилетики Петровской эпохи внесли наследники Тартуской семиотической школы: М. Б. Плюханова, Е. А. Погосян, М. Сморжевских-Смирнова. В белорусской науке влияние риторической традиции на литературу начала XVIII в. представлено в работах Т. Е. Автухович. В начале текущего столетия интерес к панегирической словесности первой четверти XVIII в. был отражён в трудах итальянских учёных, особенно — Дж. Броджи-Беркофф. Тесная корреляция панегирической литературы Петровской эпохи с историей политических идей

была продемонстрирована в работах американских специалистов: В. Ю. Проскуриной, И. Клейна, Р. Уортмана, М. Левитта и др.

На сегодняшний день исследователями рассмотрены самые разные аспекты поэтики, истории и прагматики текстов, созданных в первой четверти XVIII в. и посвящённых знаменательным событиям этого периода. Вместе с тем до сих пор русская панегирическая литература эпохи Северной войны была недостаточно изучена комплексно — в качестве единого корпуса текстов, объединённых как общей социально-исторической тематикой, так и особенностями поэтики. **Актуальность** настоящей работы обусловлена возросшим интересом исследователей к истории идеи отечественной государственности, нашедшей отражение в литературных текстах. В связи с этим обращение к словесности периода Северной войны видится актуальным по двум причинам: во-первых, эта знаменательная эпоха сформировала концептуальную культурно-семиотическую модель Российской империи; во-вторых, это был период внутрилитературного преобразования жанровой парадигмы и образной системы русской словесности, кажущийся самым «нелитературным периодом» в отечественной истории.

Основным **материалом** для исследования нами был избран ряд произведений, объединённых следующими критериями:

1. Окказиональная природа текста.
2. Его панегирическое содержание.
3. Посвящение одному из четырёх избранных нами знаменательных событий Северной войны — Полтавской победе (1709), Гангутскому (1714) и Гренгамскому (1720) морским сражениям и Ништадтскому миру (1721).

Выбор именно этих четырёх исторических событий обусловлен их символическим значением в отечественной истории: Полтавская победа как переломный момент войны, Гангутское и Гренгамское сражения как триумф русского флота, Ништадтский мир как итог многолетнего противостояния и как рождение Российской империи, — что нашло отражение в литературе изучаемого периода.

Масштаб и специфика заявленной темы требуют предварительного пояснения **принципов отбора и систематизации материала**. Панегирическое наследие Петровской эпохи чрезвычайно богато и разнообразно. В рамках настоящей диссертации мы не ставим задачи проанализировать весь корпус панегирических текстов первой четверти XVIII в., так или иначе связанных с событиями Северной войны. Мы стремимся представить словесную культуру в России эпохи Северной войны как целостный историко-литературный феномен, однако вынуждены ограничиться лишь рядом репрезентативных текстов, демонстрирующих общие литературные тенденции эпохи. Ввиду разной степени изученности мы исходили из принципа уравновешивания широко известного и малоизвестного материала. Кроме того, в связи с достаточной изученностью М. Сморжевских-Смирновой панегирической литературы 1700–1710 гг., период, рассматриваемый нами в диссертации, ограничивается вторым хронологическим этапом Северной войны. Результатом отбора стал комплекс из 17 текстов: 12 панегирических произведений, введённых в научный оборот до нашего исследования, и 5 слабоизученных или ранее неизвестных текстов. 12 широко известных текстов включают 1 героическую поэму, 1 оду и 10 прозаических церковных панегириков (из которых первые 5 показывают развитие одной темы в рамках творчества одного автора, а 5 — темы, не получившие дальнейшего развития в творчестве одного автора). 5 малоизученных текстов представляют собой рукописные памятники. Первые 3 рукописи входят в состав коллекции подносных экземпляров библиотеки Петра I, остальные 2 представляют собой редкие архивные материалы и фрагменты компилятивных рукописных сборников. Оговорим, что в рамках диссертации мы не привлекаем в качестве основного материала:

1. Тексты церковных служб в честь знаменательных событий Северной войны.
2. Тексты дескриптивного содержания, посвящённые описанию архитектурных сооружений в честь военных побед.
3. Исторические и документальные сочинения.

Научная новизна диссертации заключается в попытке комплексного подхода к словесности эпохи Северной войны как к корпусу текстов, репрезентирующих единый кроссжанровый мифологизированный сюжет о победе Московского царства в противостоянии со Швецией в 1700–1721 гг. и, как следствие, рождении Российской империи. В работе впервые вводятся в научный оборот тексты, ранее не становившиеся объектами литературоведческого исследования, а также обозначаются теоретико-литературные проблемы, связанные с данными текстами.

Теоретическая значимость диссертационного исследования определяется несколькими аспектами. Во-первых, на примере словесности эпохи Северной войны проанализированы бытование и эволюция единого исторического сюжета в разных жанрах (церковном прозаическом панегирике, героической поэме, торжественной оде); эта методология может быть использована для исследований репрезентации иных сюжетов в кроссжанровой перспективе. Во-вторых, в диссертации исследованы риторические стратегии, к которым обращались авторы раннего XVIII в. для идеологического оформления сюжета о Северной войне, что представляет методологическую значимость для работ по истории русского красноречия. В-третьих, привлечённые к анализу тексты подносных рукописных экземпляров из библиотеки Петра позволяют переосмыслить устоявшийся в литературоведении тезис о жанровой природе прозаического панегирика как непременно произносимого текста. В-четвёртых, выявленная в ходе исследования мифологизация сюжета о победе предлагает методологическую основу для исследования феномена мифологизации истории в других литературных памятниках, посвящённых знаковым историческим событиям.

Практическая значимость заключается в возможности использования материалов диссертации в разработке общих курсов по истории отечественной словесности XVIII в., музейно-выставочной деятельности, а также при организации патриотическо-просветительской работы. Кроме того, приведённые в диссертации данные могут быть использованы для подготовки историко-

филологического комментария при издании панегирических текстов Петровской эпохи.

Объектом исследования являются панегирические тексты, посвящённые четырём знаковым событиям эпохи Северной войны (Полтавской победе, Гангутскому и Гренгамскому морским сражениям и Ништадтскому миру), созданные на русском языке (либо церковнославянском языке русского извода) в 1709–1722 гг. В «Приложении» для типологического сопоставления также привлечена одна торжественная ода 1751 г. на русском языке.

Цель настоящей работы — выявить и охарактеризовать идейную основу и художественные особенности панегирических произведений 1709–1722 гг., посвящённых Северной войне.

Задачи исследования:

1. Сопоставить особенности изображения Полтавской победы в панегирических произведениях 1709 г. и позднейших текстах, посвящённых этому событию;
2. Изучить малоизвестные рукописные панегирики в честь Полтавской победы как памятники литературы Петровской эпохи;
3. Охарактеризовать восприятие авторами первой трети XVIII в. Гангутского и Гренгамского сражений, выраженное в идеологии и текстологических особенностях панегирических произведений в честь этих событий;
4. Выявить идейную основу и некоторые особенности поэтики панегирических текстов в честь Ништадтского мира;
5. Показать общие тенденции изображения Северной войны в панегириках 1709–1722 гг. и роль этих тенденций в мифологизации исследуемого исторического периода.

Методология. В связи с разнообразием поставленных задач потребовалось обращение к разной методологии. В основных разделах мы обращались к историко-литературному и историко-культурному методам. Для решения ряда задач нами были использованы методы сравнительной текстологии. Обращение к

историко-функциональному методу позволило рассмотреть изучаемые произведения в литературном, общекультурном и общественно-политическом контексте. Для работы с образцами эпидейктического красноречия мы по мере необходимости обращались к методам риторического анализа текста. При обобщении полученных в ходе исследования выводов мы обращались к типологическому методу.

Основной методологической базой диссертации стали фундаментальные работы по истории русской словесности раннего Нового времени П. Е. Бухаркина, М. Ю. Люстрова, А. А. Морозова, С. И. Николаева, А. М. Панченко, Л. И. Сазоновой, Л. А. Софроновой и др.; исследования по культурной семиотике XVIII в. В. М. Живова, Ю. М. Лотмана, М. Б. Плюхановой, Е. А. Погосян, Б. А. Успенского. В определении специфики и эмблематичной метафоричности литературы эпохи «готового слова» мы во многом опираемся на концепции А. В. Михайлова. Для работы с различными аспектами истории и теории риторики нами использованы исследования М. Л. Гаспарова, В. П. Вомперского, В. И. Аннушкина, Г. Лаусберга, Р. Лахманн, Б. Хамбша. При исследовании специфики основных жанров словесности XVIII в. мы опирались как на классические работы (Г. А. Гуковского, Ю. Н. Тынянова и др.), так и на исследования современных учёных (Н. Ю. Алексеевой, Ю. В. Кагарлицкого, Е. М. Матвеева и др.). При исследовании специфики мифологизации исторических сюжетов в литературе XVIII в. мы в значительной мере опирались на методологию, разработанную Т. Е. Абрамзон. Значимое методологическое влияние на наше исследование оказали труды по истории идей (главным образом — отражении политических концепций в литературе) американских исследователей: В. Ю. Проскуриной, Р. Уортмана, — а также работы по истории классической культуры и эстетики С. С. Аверинцева, Р. Барта, Э. Курциуса, П. Нора, Э. Панофски, Ж. Старобинского и др.

Положения, выносимые на защиту:

1. Северная война (1700–1721) породила целый ряд художественных текстов на русском языке, объединённых как общей темой, так и особенностями поэтики. Этот ряд текстов включает в себя произведения разных панегирических жанров: церковный панегирик, торжественная ода, героическая поэма. Их авторами являются как широко известные ораторы и проповедники Петровской эпохи (Феофан Прокопович, Стефан Яворский, Гавриил Бужинский, Феофилакт Лопатинский, братья Лихуды и др.), так и отечественные панегиристы второго ряда (к примеру, М. И. Ширяев), иностранцы на русской службе (например, И. Паузе), а также анонимные писатели. Авторы разных сословий, убеждений и социального статуса демонстрировали разные подходы и риторические стратегии для освещения событий изучаемой эпохи.
2. Литература эпохи Северной войны стала источником художественной топики, консолидировала целый арсенал устойчивых образов, мотивов и тем: Пётр I в образах Геракла и Самсона, рыкающий лев как аллегория Шведского государства, прохождение через триумфальные врата как начало новой эпохи и др. Появление и бытование этих и других образцов художественной топики часто обусловлено поэтикой литературного барокко: «остроумный» взгляд на вещи, стремление к эмблематичности и принцип отражения.
3. Принципы культуры «готового слова» и развитая риторическая школа позволили топике эпохи Северной войны закрепиться в литературной традиции, однако наложили свой отпечаток на способы изображения исторических реалий: события войны подавались через призму античной мифологии, библейских преданий, западноевропейской и российской истории. С одной стороны, это являлось требованием риторической традиции, с другой — задавало идейный ракурс восприятия актуальных

событий.

4. Панегирические произведения первой четверти XVIII в. демонстрируют не только передачу художественной идеи в образах, но и авторский историософский подход при описании событий. Посвящая свои произведения разным битвам и перемириям Северной войны и возвращаясь к ним годы спустя в новых сочинениях, панегиристы затрагивают сложные философские темы, такие как легальность военного насилия, причины межнациональной агрессии и шовинизма, критерии достойного правителя и т. д. Возможность историософских рассуждений в многом обусловлена жанровой природой церковного панегирика: вслед за петровскими социальными и культурными преобразованиями жанр торжественного слова эволюционировал в сторону публицистичности, во многом благодаря риторической практике Феофана Прокоповича.
5. Литературные произведения, создававшиеся в России на протяжении всей Северной войны, демонстрируют стремление авторов придать актуальным для них событиям мифологический характер. Мифологизация магистрального сюжета о противостоянии Московского царства и Швеции осуществлялась ораторами и стихотворцами разными риторическими методами, но в единой культурно-идеологической парадигме. Мифологизм в литературе этого периода эксплицируется в форме основополагающих бытийных координат, построенных по принципу бинарных оппозиций: как фундаментальных (добро и зло, своё и чужое, начало и конец, порядок и хаос и др.), так и специфических (Россия — Запад, христианство — язычество, знание — невежество и др.).

Структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из Введения, трёх глав, Заключения, Списка литературы (554 ед.) и четырёх приложений.

Апробация исследования. Основные теоретические положения и практические результаты исследования были представлены и обсуждены на

заседаниях Отдела древнеславянских литератур ИМЛИ РАН, а также в форме 5 докладов на следующих научных конференциях:

1. Международная научная конференция «XVI Римские Кирилло-Мефодиевские чтения» (Москва–Пескара, Институт славяноведения РАН — Университет Габриэле д’Аннунцио, 4–11 февраля 2026 г.);
2. Всероссийская научная конференция «VII Лихудовские чтения» (Великий Новгород, НовГУ им. Ярослава Мудрого, 16–17 апреля 2026 г.);
3. Международная научная конференция «Источник, историография, нарратив в осмыслении Древней Руси» (Санкт-Петербург, СПбДА, 25–26 мая 2026 г.);
4. XIV научная конференция молодых учёных «Жизнь, смерть и бессмертие в литературе и искусстве» (Москва, ИМЛИ РАН, 29–30 мая 2025 г.);
5. Международная научная конференция «III Молодёжные чтения по русской литературе XVIII века» (Санкт-Петербург, ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН, 25–26 октября 2018 года).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** представлено теоретическое обоснование выбранной темы, аргументированы ее актуальность и научная новизна. Также раскрыта практическая ценность исследования, обозначены цели и задачи, описан методологический аппарат и сформулированы ключевые положения, выносимые на защиту. Кроме того, обозначены ключевые теоретико-литературные и методологические положения, существенные для понимания диссертационного материала.

Глава 1. «Полтавская победа в русской панегирической литературе первой четверти XVIII в.» состоит из 5 параграфов.

Параграф 1.1. «„Епиникион“ Феофана Прокоповича как стихотворный панегирик по Полтавскую победу» посвящён разбору первой русской героической поэмы в честь Полтавской победы, сопоставлению трёх её версий на разных языках и выявлению её связи с древнерусской литературной традицией.

«Епиникион» — стихотворный текст сложной жанровой природы — был создан Феофаном Прокоповичем летом 1709 г. Это произведение примечательно тем, что было написано на трёх языках: церковнославянском, польском и латинском. Такое решение во многом было продиктовано традицией Киево-Могилянской академии, где литературное многоязычие было обычной практикой.

Композиция «Епиникиона» не в полной мере выдержана в рамках оды и эпопеи, приведённых в «Риторике» Феофана Прокоповича, что позволяет говорить о его сложной жанровой природе. Повествовательная часть этого произведения позволяет соотнести «Епиникион» с предшествующей литературной традицией благодаря системе образов и набору характерных речевых формул. По мысли Г. Н. Моисеевой, наибольшее сходство повествовательная часть обнаруживает с древнерусской воинской повестью. Наше исследование подтвердило доводы Моисеевой благодаря сопоставлению

конкретной фразеологии поэмы с речевыми формулами древнерусских воинских повестей, выделенными А. С. Орловым. С учётом общей деградации речевой формульности в воинской повести в период раннего Нового времени, представляется возможным говорить об ориентации Феофана Прокоповича не столько на конкретные источники, сколько на литературную традицию.

При сопоставлении отдельных фрагментов разных версий «Епиникиона» многие исследователи (Т. Е. Автухович, Л. М. Копаница, Д. Л. Либуркин) показали, что эти фрагменты отличаются не только в лингвистическом плане, но и в культурно-семиотическом. В рамках диссертации мы предприняли попытку сопоставления всех трёх текстов. Польский и латинский варианты содержат обилие образов из античной истории и мифологии, тонкую словесную игру, обилие перифраз, в то время как церковнославянская версия сконцентрирована на образах библейской мифологии и обладает интертекстуальными особенностями, отсылающими к православной богослужебной традиции.

Общий обзор показал, что «Епиникион», имея гетерогенную структуру, изображает сюжет Полтавской победы как торжество христианского праведного предводителя над коварным супостатом. Наделение Петра I и российских воинов ореолом святых подтверждает тезисы Б. А. Успенского и В. М. Живова о том, что в начале XVIII в. механизмы барочной риторики способствовали процессу сакрализации монарха и нового государственного устройства.

Параграф 1.2. «Прозаические панегирики Феофана Прокоповича на Полтавскую победу: развитие темы в диахроническом аспекте» посвящён сопоставлению двух торжественных слов Феофана Прокоповича, написанных с интервалом в 8 лет: «Слову похвальному о преславной над войсками свейскими победе» (1709) и «Слову похвальному о баталии Полтавской» (1717).

Панегирик 1709 г. был произнесён автором перед Петром I 10 июля в Киеве и вышел в составе общей брошюры с «Епиникионом», с которым составляет своеобразное художественное единство. В отличие от поэмы, он не столько изображает процесс сражения, сколько предлагает аналитический взгляд на

победу в историко-философской перспективе с опорой на аристотелевское учение об изложении событий прошлого. Временная перспектива похвального слова опирается на последовательную хронологию реальных событий, несмотря на некоторые экскурсы в историю Древней Руси. Пространство в этом панегирике локализовано в пределах театра боевых действий Северной войны и исключает смешение с мифологическим миром, в отличие от поэмы. Особенности поэтики текста свидетельствуют о стремлении автора к историческому аналитизму, несмотря на наличие ряда случаев намеренного искажения фактов.

Панегирик 1709 г. изобилует образами, топосами и риторическими exempla, восходящими к античным и библейским сюжетам. Перемежаясь, гетерогенные образы соседствуют в рамках одной риторической конструкции и взаимодополняют друг друга, благодаря чему реализуется принцип барочной поэтики отражения (Л. А. Софронова). Главными объектами такой барочной поэтизации становятся фигура Петра I и факт победы российского войска, в то время как в отношении шведов создаётся эффект «отрицательного эпидейксиса» (О. Л. Довгий). Несмотря на наличие публицистической составляющей, этот панегирик остаётся выдержанным в художественной стилистике барочной эстетики, принятой в литературной среде Киево-Могилянской академии.

«Слово похвальное о баталии Полтавской» было произнесено 27 июня 1717 г. в Санкт-Петербурге в день восьмой годовщины Полтавской победы, в том же году напечатано отдельной книгой. Поэтика текста во многом обусловлена внешнеполитической обстановкой в 1717 г., когда Швеция намеревалась вернуть себе утраченные земли, поэтому тема зависти становится основной в данном панегирике. Как и в торжественном слове 1709 г., идейный пафос сводится к праведным действиям российского царя как реализации Божественного Промысла с целью восстановления справедливости. Однако поздний панегирик Феофана Прокоповича отличается сравнительной бедностью поэтических средств и более сконцентрирован на идеологической составляющей. М. Сморжевских-Смирнова отмечает, что к 1717 г. Феофан Прокопович был уже не киевским преподавателем,

а видным петербургским общественным и церковным деятелем, на которого была возложена обязанность придворного оратора. Вместе с тем мы оспариваем выводы исследовательницы о деградации творческой интенции автора и приходим к выводам, что стилистическая «сухость» данного панегирика обусловлена глубокими теоретико-стилистическими исканиями Феофана в петербургский период его жизни и разработкой новой дискурсивной стратегии.

Параграф 1.3. «Панегирики Стефана Яворского на Полтавскую победу» содержит разбор трёх панегириков Стефана Яворского, созданных в 1709 г.: «Рука Христова, Петру простираемая», «Камень, идола Навуходоносорова сокрушивший» и «Слово о победе над королем Шведским под Полтавою 1709 года»; а также одного панегирика 1716 г. «Слово на воспоминание торжественныя виктории Полтавския».

Общее количество проповедей, произнесённых Стефаном Яворским за время Северной войны, достаточно велико. Это позволяет О. А. Крашенинниковой выдвинуть концепцию о наличии так называемого «викториального цикла» в рамках творчества проповедника. Особую художественную целостность цикла, посвящённого войне, вероятно, осознавал и сам автор, и его современники. Крашенинникова предполагает, что Стефан Яворский намеревался подготовить сборник собственных торжественных слов в честь военных побед и начал работать над его редактурой. (Вместе с тем А. И. Попович придерживается точки зрения, что редактором и составителем «викториального» сборника был Гавриил Бужинский, работавший с рукописями сочинений Стефана.) Архивные данные предоставляют любопытную информацию, что в 1724 г. по инициативе императора в «Гисторию Свейской войны» должны были быть внесены все приветственные слова Стефана Яворского. Во всяком случае, примечательно, что уже современниками была предпринята попытка включить образы торжественного красноречия в официальную придворную историю, то есть рассмотреть панегирики как элемент формируемого мифа о великой победе.

В центре двух первых рассмотренных панегириков стоит статичный художественный образ, детально описываемый оратором. В «Руке Христовой, Петру простираемой» это Божья десница, ниспославшая царю чудесную победу над неприятелем. Центральной фигурой в «Камне, идола Навуходоносорова сокрушившем» является враг в аллегорическом образе языческого идола, а части его тела — составными частями шведской армии. Композиция обоих панегириков Стефана схожа и строится на описании статичного визуального образа, составные части которого наделены функцией самостоятельных аллегорий. А. А. Морозов справедливо усматривает такую композиционную особенность характерной для произведений Стефана. По мнению В. Кролля, общая композиционная статика и тенденция к описанию картинки свидетельствуют о влиянии на поэтику Стефана Яворского западноевропейских эмблемат. В рамках диссертации мы условно называем такой способ композиционного построения парадигматическим, так как он подразумевает поэтапное перечисление эквивалентных друг другу образов, что не сродни широко распространённому в риторике приёму амплификации.

Третий панегирик, «Слово о победе над королем Шведским под Полтавою 1709 года», строится вокруг образов Апокалипсиса. Е. А. Погосян усматривает в нём многочисленные аллюзии на Откровение. В контексте упоминания второго пришествия сюжет о победе под Полтавой приобретает образную коннотацию — как наступление новой эпохи, вечного мира и благодати на земле.

Центральной темой торжественного слова 1716 г. является Божья милость и любовь Творца к людям. Основная часть панегирика представляет собой пространные теологические размышления о Божьей любви, и для иллюстраций автором приводятся ветхозаветные сюжеты. В этом панегирике библейские сюжеты не развёрнуты до уровня фундаментальных обобщений, а остаются в пределах исторических мифологических фактов, топонимов или антропонимов. До минимума в этом панегирике сведено употребление античных образов и мотивов, причём им дана исключительно негативная окраска на фоне библейских.

Викториальный цикл панегириков Стефана Яворского, посвящённых Полтавской победе, изображает не реальную политику Петра I, а идеал христианского правителя. Композиционная «статичность» и создание многосоставного образа в ранних текстах сменяется общей публицистичностью и богословскими размышлениями в позднем торжественном слове. Особая поэтика позволяет связать панегирики местоблюстителя патриаршего престола воедино, уловить оптику восприятия событий Северной войны не как развёрнутого исторического процесса, а как череду статичных комплексных эмблем-аллегорий.

В ***Параграфе 1.4. «Подносные экземпляры как источники панегирических текстов. Анонимный панегирик на Полтавскую победу из библиотеки Петра I»*** рассматривается рукописный литературный памятник БАН. П I Б № 142 в контексте панегирической традиции Петровской эпохи.

Подносной экземпляр — это индивидуальный экземпляр рукописи или издания, предназначенный для преподнесения в дар высокопоставленному лицу и характеризующийся индивидуальным оформлением, например, посвящением на переплёте или титульном листе. Несмотря на бытование ещё в XVII в., большее распространение подносные экземпляры получили в Петровскую эпоху. Их значимость как объекта литературоведческого анализа обусловлена тем, что они отражают реалии придворного церемониала как особого ритуально-символического действа и являются его неотъемлемым элементом, культурно-семиотическим знаком на грани литературного слова и языка придворного этикета. Кроме того, тексты подносных панегириков являются любопытным теоретико-литературным феноменом в рамках жанровой парадигмы, так как, в отличие от большинства панегириков, не предполагались для широкого распространения, а имели единственного адресата – монарха. Оформление рукописи предполагало её восприятие не столько на слух, сколько как читаемый текст. Эти факторы позволили бы несколько переосмыслить устоявшийся в науке тезис об установке на публичное произнесение как жанрообразующем критерии торжественного прозаического панегирика, а также открыли бы возможность

исследования текстов подносных экземпляров в литературоведческой, культурологической и культурно-семиотической перспективе.

Один из подносных экземпляров в честь Полтавской победы — анонимный панегирик, условно названный «Описание триумфального въезда Петра I в Москву после Полтавской победы» — хранится в составе библиотеки Петра в НИОР БАН (БАН. П I Б № 142). Возможно, это произведение изначально было зачитано автором перед царём, а затем переработано для подносного экземпляра, приняв свой нынешний итоговый вид. На Л. 1 в рукописи присутствуют стихи, приписываемые А. А. Виниусу. Панегирик содержит подробный пересказ истории готов как предков шведов, в особенности выделено их противостояние с Римом, что позволяет аллегорически приравнять Римскую империю к России. Многочисленные ссылки на римских классиков (Клавдиана, Иордана, Цицерона, а также неопознанные источники), эксплицированное сравнение реалий допетровской Руси с Римскими институтами, апеллирование к современной европейской прессе и другие факторы позволяют предположить, что анонимный рукописный панегирик был создан автором с европейским образованием, включённым в политическую жизнь эпохи и, вероятно, представителем не духовного сословия. Описание торжественного шествия Петра по Москве свидетельствует о том, что вероятный автор был свидетелем этой процессии.

Параграф 1.5. «Панегирик М. И. Ширяева на Полтавскую победу: к проблеме писательского статуса в Петровскую эпоху» посвящён другому подносному экземпляру из библиотеки Петра I — «Похвальному песнопению Петру I по поводу Полтавской победы и других побед Петра I над Швецией» (БАН. П I Б № 148).

М. И. Ширяев, автор панегирика, был царским денщиком и заслужил неформальный титул «великого князя оратора». Точная атрибуция его предполагаемых сочинений до сих пор вызывает разногласия. Обстоятельства создания панегирика, оказавшегося в собрании Петра, остаются не прояснёнными.

От начала до конца сочинение Ширяева демонстрирует буквальное следование тексту Ирмология XVII в. с творческой адаптацией под воспевание светского события — Полтавской победы. На частных примерах творческой переработки ирмосов (представления Полтавы и Петра как Египта и Моисея, шведов как фараона, российского войска как отроков в пещи огненной и т. д.) становится видно, что автор использует распространённые аллегорические топосы. Однако уникальность панегирика в том, что в нём не просто использованы отдельные цитаты, а почти целиком переписана известная богослужебная книга. Используя литературный приём демократической сатиры XVII в., автор создаёт настоящий панегирик, чем изъявляет лояльность государю.

Представляется, что особенности поэтики текста обусловлены внелитературными факторами, в первую очередь — придворным положением автора. Вероятно, Ширяев входил в неформальный кружок приближённых к императору, где Петром была задана своя особая культурно-семиотическая система — в свойственной ему «карнавальной» (в бахтинской терминологии) манере, о чём свидетельствует, в частности, титул «великого князя оратора». Ярким проявлением этой системы стал Всешутейший Собор. С учётом недавних исследований, согласно которым Всешутейший Собор, вопреки устоявшемуся убеждению о его атеистическом характере, был направлен на обновление церкви и духовной жизни в России (П. Е. Бухаркин), Ширяев и его панегирик могут рассматриваться как один из элементов культурной политики императора — частный светский человек, способный органично изменять широко известный богослужебный текст в соответствии с тенденциями эпохи. Благодаря этому Полтавская победа становится новым объектом символического богослужения.

Глава 2. «Морские сражения Северной войны в русской панегирической литературе первой четверти XVIII в.» состоит из 3 параграфов.

Параграф 2.1. «Оды И. В. Паузе на сражения при Гангуте и Гренгаме» посвящён анализу неизвестного ранее автографа од Иоганна Паузе.

Ода на победу при Гангуте появилась в 1714 г. и была зачитана автором 9 сентября во время церемониального проезда Петра сквозь триумфальные ворота в Санкт-Петербурге. Рукопись оды хранится в НИОР БАН (БАН. 26.6.6), в начале XX в. этот текст был опубликован и датирован В. Н. Перетцем.

При детальном анализе рукописи было обнаружено, что в ней представлены не один, а три текста изучаемой оды: два черновика и беловой автограф. Сличение текстов показало, что Перетц опубликовал не беловой текст, как предполагалось ранее, а один из черновых автографов, причем проигнорировав присутствующую в нём авторскую правку. В издании Перетца выявлен ряд недочётов: отсутствие четких эдиционных принципов, игнорирование стилистической неоднородности трех текстов, а также неточности в датировке и описании маргиналий.

По результатам исследования мы предлагаем перенести датировку белового автографа на 1720 г., так как самый поздний вариант оды оказывается посвящён не Гангутскому, а Гренгамскому сражению. В пользу этой гипотезы свидетельствуют следующие аргументы: исключение из текста деталей, связанных с Гангутской победой (описание торжественной процессии, воспоминание боёв на Украине, поздравления с рождением наследника и др.); замена имен участников сражения 1714 г. на имена героев Гренгамской битвы; а также эволюция языка, стиля и техники стихосложения, характерная для более позднего периода творчества Паузе. Таким образом, беловой автограф следует связывать с событиями 1720 г. Предположительно из-за того, что текст не предназначался для преподнесения царю, а лишь для устного зачитывания автором, Паузе, рассчитывая на забывчивость Петра I, адаптировал старый текст под торжества 1720 г.

Параграф 2.2. «Панегирик Гавриила Бужинского на сражение при Гангуте» посвящён идейно-концептуальной составляющей «Слова о победе, полученной у Ангута» (1719) Гавриила Бужинского.

Этот панегирик был произнесён автором 27 июля 1719 г. на борту корабля «Ингермоландия» при стоянке в Ботническом заливе и был приурочен к 5-летию празднования Гангутского сражения. В рамках диссертации предпринимается

рассмотрение идеологической основы этого текста. Для более детального анализа был прокомментирован ряд образов и мотивов, упоминаемых в тексте, для того чтобы выявить исторические предпосылки появления идеологических концептов.

Автор выстраивает композицию панегирика как апологию праведной войны, аргументируя её необходимость и разбивая доводы противников. Для этого в начале своей торжественной речи оратор обращается к теме манихейства как одной из пацифистских религий. Наравне с манихеями Гавриил обличает лжеучение целого ряда пацифистских протестантских сект раннего Нового времени: анабаптизма, вейгелианства, социнианства, арминианства и фотинианства. Однако существенно, что обличение пацифизма протестантских деноминаций становится в панегирике лишь преамбулой к основной части — попытке оправдания военного насилия через обращение к арсеналу богословских концепций. Иллюстрируя тезисы о необходимости справедливой войны библейскими сюжетами, автор обращается к трудам святого Августина, в которых мыслитель оправдывает военное насилие необходимостью укрепления справедливого христианского государства за счёт противостояния агрессивным соседям. Апелляцией к Августину в богословской полемике Гавриил нейтрализует возможность его использования своими идейными оппонентами, присваивая себе основной авторитетный источник для оправдания идеи bellum iustum. Лишь в конце панегирика автор обращается к событиям современности.

Таким образом, аргументируя свои доводы священной историей, богословскими концепциями и событиями современности, Гавриил ведёт полемику со своими идейными оппонентами, подвергающими критике военную политику Петра I. В Петровскую эпоху идеологические разногласия внутри православного духовенства и необходимость реакции на «инославную интервенцию» находили отражение даже в ораторских произведениях, посвящённых сугубо военным событиям.

В ***Параграфе 2.3. «Панегирик Феофана Прокоповича на сражение при Гренгаме»*** рассматривается «Слово похвальное о флоте российском, и о победе галерами российскими над кораблями шведскими» Феофана Прокоповича.

Этот панегирик автор произнёс 8 сентября 1720 г. в церкви Живоначальной Троицы Санкт-Петербурга. Разбор идейной составляющей этого произведения базируется на тезисе Г. В. Плеханова о том, что Феофан Прокопович «поднимает вопрос о мореплавании на высоту философии истории». В панегирике Феофан акцентирует внимание на том, что и победа, и весь путь Петра к ней — результат Божественного промысла, противопоставляя его «случаю». Мотив чуда, имеющий в панегирике разные проявления, сообразуется с другой темой, фундаментальной для жанров церковного красноречия, — судьбы и предопределения.

Тема предопределения была одной из главных в культуре общеевропейского барокко, которое разделяло понятие судьбы на Фортуну и Рок. Подчинить Фортуну своей воле должен был сильный и деятельный человек, в первую очередь — государь как обладатель особой доблести. О. В. Русаковский показал, что именно такое представление о судьбе было свойственно Петру I. Представляется, что идея, переданная Феофаном Прокоповичем в панегирике, корреспондирует с концепцией счастливой фортуны, подвластной государю. В художественной структуре наглядно иллюстрируют эту идею мотив бури на море и чудесное спасение Петра и матросов. В других сочинениях раннего XVIII в. (А. Катифоро, А. К. Нартов) авторы также подчёркивают роль предопределения, обращаясь к этим сюжетам. Таким образом, торжественное слово, посвящённое частному событию, победе при Гренгаме, содержит рассуждение о становлении отечественного флота, как справедливо заметил Плеханов. Однако глубинная тема панегирика видится более философской: она посвящена судьбе человека, его личной воли в руках Господа и затрагивает, помимо актуальной общественно-политической повестки, фундаментальные вопросы бытийности.

Глава 3. «Ништадтский мир как триумфальный финал Северной войны в русской панегирической литературе первой четверти XVIII в.» состоит из 4 параграфов.

Параграф 3.1. «Панегирик Софрония Лихуда на Ништадтский мир» посвящён поэтике панегирика Софрония Лихуда «На заключение мира со Швецией» 1721 г.

Дошедший до наших дней рукописный экземпляр торжественного слова находится в фондах НИОР БАН (БАН. П I Б № 147). Он был преподнесен Петру I в декабре 1721 г. во время торжественного въезда императора в Москву.

Несмотря на образ Петра I как православного самодержца и поборника веры, Софроний, следуя литературной традиции своего времени, прибегает к синтезу христианской и античной символики. Античная тема выступает структурной доминантой текста, определяя концептуальное осмысление образа Петра I как монарха. Экспозиция панегирика выстроена вокруг образа врат Януса, что задаёт вектор дальнейшего развёртывания темы. Использование этого образа закономерно для окказиональной природы торжественного панегирика: живое наблюдение Софронием прохода императора через Синодальные ворота определило опору автора на визуальную поэтику произведения. Другими значимыми античными образами в панегирике оказываются Октавиан Август и Александр Македонский как фигуры ключевых правителей древности.

Одновременно включение в текст формул, характерных для славянской богослужебной традиции, придает фигуре российского императора сакральный статус. В особенности ими наполнен эпизод описания детства Петра (выстроенный, тем не менее, по правилам риторики Квинтилиана), где анафорические ряды отсылают к служебным минеям. Завершающий призыв к военным триумфам над исламским миром отражает реваншистские устремления Петра I после Азовских походов и перекликается с идеями Софрония Лихуда, изложенными в «Плаче Святыя Христовы Восточные церкве», где обосновывалась необходимость освобождения Балкан от османского владычества.

Таким образом, в панегирике показана точка зрения свидетеля церемонии, в основу художественной структуры заложены визуальные впечатления и сиюминутные эмоции автора от эпохального события, происходящего в настоящий момент. В церемонии прохождения монарха через торжественные врата автор считывает глубокий знаковый символизм, восходящий в архетипическим сакральным доминантам.

Параграф 3.2. «Панегирик Феофилакта Лопатинского на Ништадтский мир» посвящён панегирику Феофилакта Лопатинского «Слово о богодарованном мире» (1722).

В 1710-е гг. Пётр I проявлял благосклонность к Феофилакту Лопатинскому, бывшему в тот период архимандритом Заиконоспасского монастыря. Автор произнёс «Слово о богодарованном мире» 1 января 1722 г. в Успенском соборе.

В структуре «Слова о богодарованном мире» начинает играть роль нумерологическая символика. Автор не только проводит параллель между 1 января и наступлением эпохи всеобщего благоденствия, но и интегрирует в текст сакральные для христианской традиции концепты троичности и семеричности. Умножая 7 на 3, автор получает 1721 г. – дату начала новой эры для России.

Центральным посылом торжественного слова Феофилакта Лопатинского, как и в случае с Гавриилом Бужинским, является оправдание войны, призванной защитить мир. Чтобы пояснить нормы военной этики того времени, автор приводит в качестве примера тактику Тамерлана, который использовал систему цветных знамен, последовательно ужесточая условия сдачи городов. Образ Тамерлана был популярен в русской придворной культуре конца XVII — начала XVIII вв.: «Темир-Аксаково действо» (1675), «История явная Тамерлана» (1704–1706), — откуда перекочевал из западноевропейского театра (А. С. Булгаков, А. Т. Парфёнов). Однако представляется, что, по причине исключительно отрицательного образа Тамерлана в панегирике, источником для Феофилакта Лопатинского стал книжный, а не театральный источник.

Наряду с апелляцией к античным и библейским сюжетам Феофилакт упоминает конкретные исторические события Северной войны, а в конце панегирика обращается к опыту и эмоциям присутствующих на церемонии военнослужащих, что схоже со стилем Феофана Прокоповича. Таким образом, пример «Слова о богодарованном мире» показывает, что в плане стилистической ориентации Феофилакт Лопатинский лавировал между канонами Киево-Могилянской среды и новыми литературными установками Петровской эпохи.

Параграф 3.3. «Панегирик Феофана Прокоповича на Ништадтский мир» посвящён «Слову о состоявшемся между империею Российскою и короною Шведскою мире» Феофана Прокоповича.

Слово было произнесено автором 28 января 1722 г. в Успенском соборе Московского кремля по случаю торжеств в честь триумфального окончания Северной войны. Руководствуясь характерным для своего стиля рационализмом, автор анализирует в панегирике причины начала Северной войны и сравнивает исторический контекст формирования Российского и Шведского государств, при этом отдаёт должное истории развития шведского военного дела.

Рассказ о России автор предваряет вербальным описанием эмблемы, изображающей неопытную в военно-морском деле Россию в образе нагого капитана корабля. А. А. Морозов обнаруживает, что Феофан Прокопович имел в виду гравюру П. Пикара, помещённую на фронтисписе книги «Устав морской» (1720). Острая полемичность панегирика выражается в частичной критике автором решения российских элит начать войну без должной подготовки, приведшему к поражению под Нарвой. Скрытый выпад в сторону петровского дворянства содержится и в финале панегирика, где автор одновременно рисует благоденствующую страну после заключения мира и завуалировано упрекает государственных деятелей в казнокрадстве. Таким образом, критика автора, направленная против военачальников, обретает черты социальной сатиры в рамках торжественного панегирика. Социально-критический аспект произведения обнаруживает такую особенность Феофана Прокоповича, как умение включать

публицистические черты в торжественное и церковное красноречие, что приводило к своеобразному жанровому синкретизму.

Будучи самым поздним из рассматриваемых в диссертации панегириков Феофана Прокоповича, это произведение демонстрирует черты «зрелого» периода творчества автора: отказ от эксплицированных эмоций фигуры оратора, призыв к рациональному восприятию события, публицистичность и относительная бедность на языковую образность. Вместе с тем в торжественном слове ограниченно присутствуют античные и библейские exempla в виде историй Александра Македонского и Иуды.

В ***Параграфе 3.4. «Анонимный „панегирик новгородцев“ на Ништадтский мир»*** вводится в научный оборот не опубликованный ранее панегирик первой четверти XVIII в., посвящённый Ништадтскому миру 1721 г.

Панегирик хранится в составе сборной рукописи в собраниях НИОР БАН (БАН. Яковл. 10). Рукопись имеет новгородское происхождение, её вероятный анонимный компилятор являлся учеником Новгородской архиерейской школы. Текст панегирика представляет собой черновик с исправлениями. Не исключено, что настоящее произведение представляет собой одно из студенческих упражнений, созданных при изучении курса риторики и приуроченное к приезду Петра I в Новгород вскоре после подписания мирного договора со Швецией.

Стиховедческий анализ выявил в тексте элементы говорного стиха. Мотивный разбор позволил выявить способ презентации Ништадского мира как предвестника «золотого века». Представляется, что фрагментарная ритмизация текста в данном случае образуется вследствие обращения автора к исоколону и гомеотелевтону — стихомаркирующим средствам, используемых в прозаическом панегирике в роли микроприёмов. Примечательно, что именно на этих фигурах акцентировал внимание Софроний Лихуд в своем курсе красноречия, который был широко востребован в Новгородской архиерейской школе, что даёт основание предположить в роли автора ученика греческих классов Новгородской архиерейской школы.

В **Заключении** обобщены результаты исследования и сформулированы основные выводы. Основные тенденции изображения Северной войны в русской панегирической литературе первой четверти XVIII в. демонстрируют стремление к созданию мифологического ореола вокруг изображаемых событий. Культурный и социальный «разлом» Петровской эпохи, спровоцированный реформами последнего царя всея Руси и усиленный войной со Швецией, пришёлся на период литературного барокко — одного из «вторичных стилей» (в терминологии Д. И. Чижевского). В истории литературы расцвет таких стилей часто сопрягается с актуализацией в обществе мифологического мышления и восприятия реальности.

С опорой на теорию Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского мы доказываем, что мифологизм в литературе этого периода эксплицируется в форме основополагающих бытийных координат, построенных по принципу бинарных оппозиций: как фундаментальных (добро и зло, своё и чужое, начало и конец, порядок и хаос и др.), так и специфических (Россия — Запад, христианство — язычество, знание — невежество и др.). В рассмотренном нами материале художественный мир вписывается в бинарную систему, сопрягая воедино фундаментальные и частные оппозиции: доброму российскому государю и его святому христианскому войску, ведущим праведную войну, противопоставлен злой неприятель, являющийся иноверцем и сеющий хаос; прежний хаос войны упорядочивается после победы и складывается в космос; конец старого мира ознаменуется актом символического рождения новой империи и т. д.

С одной стороны, Северная война стала неким разломом в кризисный период российской истории, благодаря чему в культурном сознании нации естественным образом актуализировались мифологические образы и мотивы. С другой — война оказалась мощнейшим внешнеполитическим фактором, повлиявшим на решение правящих элит (а чаще всего единолично царя) искусственно насаждать восприятие происходящего как творение «нового мифа», создавать впечатление, что подданные живут в мифическую эпоху первотворения

и разрушения старой реальности. Таким образом, мифогенность эпохи российско-шведского противостояния имеет гетерогенную природу – естественную и искусственную. В совокупности два фактора создавали вокруг сюжета о войне и победе священный ореол, а проводником этого мифа стала литература. Резюмируя выводы диссертационных глав, мы, с опорой на концепции Р. Барта и Ж. Старобинского, показываем, как изысканная риторика наглядно воплощает функцию мифического убеждения в формируемом новом дискурсе, а в совокупности панегирическое наследие Петровской эпохи демонстрирует своеобразный этап перехода: от стихийного насыщения викториального дискурса мифологическими сюжетами для усвоения культурно-семиотического языка европейских держав — к осмысленной и творческой рефлексии над этими сюжетами, приведшей в итоге к формированию целостного мифа о рождении великой империи.

Бытийность сформированного мифа в рамках дискурса о Северной войне поддерживается выработанной системой ритуалов, которые можно условно разделить на внутрилитературные и внелитературные. Под внутрилитературными мы разумеем богатую традицию обращения к событиям Северной войны в панегирической поэзии XVIII — начала XIX вв., сформировавшую целый арсенал устойчивых метафор и «общих мест» и ставшую элементом своеобразного панегирического этикета. Внелитературная же, буквальная ритуальность, сопровождавшая мифологический дискурс о Северной войне, воплощена в многочисленных торжествах и церемониях с чтением торжественных слов, что стало неотъемлемым элементом придворной культуры России Петровской эпохи.

В **Приложениях 1–4** впервые публикуются панегирик М. И. Ширяева (БАН. П I Б № 148) в сопоставлении с Ирмологием, описание рукописи с одой И. В. Паузе в честь Гренгамской победы (БАН. 26.6.6), текст этой оды, а также анонимный панегирик новгородцев в честь Ништадтского мира (БАН. 12.6.220 (Яковл. 10)).

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Публикации в журналах, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ:

Трофимов А. Е. Многоязычие в литературной культуре Петровской эпохи: «Епиникион» Феофана Прокоповича // Летняя школа по русской литературе. 2018. Т. 14. № 4. С. 335–353.

Трофимов А. Е. Композиционные особенности прозаических панегириков в честь Полтавской победы (на материале творчества Стефана Яворского и Феофана Прокоповича) // Летняя школа по русской литературе. 2020. Т. 16. № 3–4. С. 223–238.

Трофимов А. Е. Оды И. В. Паузе 1714 и 1720 гг. на победы Петра I в Северной войне (по материалам собраний НИОР БАН) // Studia Litterarum. 2025. Т. 10. № 3. 434–451.

Трофимов А. Е. Панегирик Софрония Лихуда «На заключение мира со Швецией» 1721 г.: Исторический контекст и особенности поэтики // Словесность и история. 2026. № 2. С. 160–171.

Трофимов А. Е. «Ради мира и праведная война честна есть»: Некоторые комментарии к «Слову о богодарованном мире» Феофилакта Лопатинского (1722) // Летняя школа по русской литературе. 2026. Т. 22. № 1–2. С. 3–18.

Публикации в других научных изданиях:

Трофимов А. Е. Употребление античных и библейских имён в «Слове похвальном о преславной над войсками свейскими победе» Феофана Прокоповича //

Литературная культура России XVIII века. СПб.: Геликон Плюс, 2019. Вып. 8. С. 7–18.

Трофимов А. Е. Употребление античных имён в прозаическом панегирике начала XVIII века // Антропонимы в русской словесной культуре XVIII века. К 300-летию основания Российской Академии наук. СПб.: ИЛИ РАН, 2023. С. 65–76.

Трофимов А. Е. «Фаетонова погибель» в русской панегирической литературе XVIII века // A Petro permoti: профессору Петру Евгеньевичу Бухаркину ко дню семидесятилетия. (Литературная культура России XVIII века. Вып. 9). СПб.: Свое издательство, 2025. С. 47–54.

Словарь антропонимов русской панегирической поэзии XVIII века / С. С. Волков, С. С. Дубова, Н. В. Карева, Н. А. Кузнецова, Е. М. Матвеев, А. С. Смирнова, А. Е. Трофимов, М. Г. Шарихина / Науч. ред. С. С. Волков, Е. М. Матвеев, М. Г. Шарихина. СПб.: ИЛИ РАН, 2022.